

Ли́ра Оско́льская

Между нами горы

Ли́ра Оско́льская

Между нами горы

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Между нами горы / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Мира Соколова не любит корпоративы, декабрь и незнакомцев, которые подходят слишком близко. Три года она выстраивала идеальную жизнь на удалёнке: тишина, работа, книги и никаких случайных людей. Но когда начальство отправляет её на новогодний корпоратив в Красную Поляну, Мира решает приехать на три дня раньше — просто чтобы побыть одной, подышать горами и подготовиться к неизбежному общению. Она не знает, что в соседнем номере поселился Артём — организатор праздников, который привык заполнять собой любое пространство. Что метель закроет дороги и отрежет их от мира. Что за два дня, проведённые за соседними столиками в ресторане, тишина между ними станет важнее любых слов. «Между нами — горы» — это история о том, как трудно впустить кого-то в свою жизнь, когда привык быть один. И о том, что иногда самые важные вещи случаются именно тогда, когда все планы рушатся.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Москва, декабрь	5
Глава 2. Красная Поляна, 28 декабря	10
Глава 3. 29 декабря. Метель	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ли́ра Оскольская

Между нами горы

Глава 1. Москва, декабрь

Часть первая: Мира

Мира Соколова терпеть не могла декабрь.

Не за холод, холод она переносила нормально, особенно если не выходить на улицу. Не за короткий день: при закрытых шторах разница между двумя часами дня и шестью вечера была чисто теоретической. Не за слякоть. Не за запах мандаринов в каждом магазине, хотя запах она и раньше не жаловала. И даже не за то, что все вокруг внезапно становилось добрее, чем обычно, — это, кстати, раздражало больше всего прочего, потому что за добротой в декабре всегда прячется что-то вынужденное и слегка виноватое. Нет. Декабрь она не любила за то, что он неизбежно заканчивался корпоративом.

Слово «корпоратив» обладало для неё особым качеством. Примерно таким же, каким обладает звук бормашины, когда ты сидишь у кабинета стоматолога или сообщение от незнакомого номера в одиннадцать вечера: ещё ничего не случилось, а уже напрягает.

Она сидела за рабочим столом в своей однушке на Академической, поджав ноги под себя, завернутая в плед цвета маренго, тот самый, который купила три года назад в вялом октябрьском порыве «побаловать себя» и с тех пор считала лучшей инвестицией в жизни. В руках кружка с кофе, который успел остыть ровно до той температуры, когда пить его уже неприятно, но выливать жалко. На экране открытый файл, в котором последние двадцать минут не было написано ни слова. Курсор мигал с методичностью метронома: терпеливо, без осуждения, но и без малейшей надежды.

За окном темно. В декабре это происходило оскорбительно быстро, будто кто-то просто дёргал за шнурок от жалюзи. Час дня — светло. Три — уже сумерки. В пять — полная темнота, хоть рабочий день официально ещё не закончился. Где-то у соседей играла музыка: глухо, через стену, но достаточно громко, чтобы раздражать. Что-то бодрое и рождественское с колокольчиками, что делало ситуацию только хуже.

Телефон лежал рядом с ноутбуком. В нём непрочитанное сообщение из корпоративного чата компании «Лидтех», которое Мира видела краем глаза уже сорок минут и упорно игнорировала. Она использовала это время продуктивно: смотрела в курсор, пила холодный кофе, переставляла кружку с места на место и думала о том, что жизнь — странная штука.

Потом всё-таки открыла.

*«Коллеги, напоминаем: корпоратив 30–31 декабря, Красная Поляна, отель Snowline. Сроки по подтверждению — до пятницы. Будет весело! *смайлик с конфетти*»*

Мира посмотрела на смайлик с конфетти. Смайлик смотрел в ответ с безмятежным оптимизмом существа, у которого нет нервной системы.

Она работала в «Лидтехе» три года, копирайтером на удалёнке. Если говорить просто, быть копирайтером значит превращать мысли в текст. Чаще всего не свои мысли, а чужие, потому что копирайтер — это такой голос, которым компания разговаривает с миром. Сегодня ты пишешь письмо от имени гендиректора, завтра пост для соцсети про новую линейку товаров, послезавтра инструкцию, как чистить кофемашину, чтобы она не сломалась на третьей неделе использования.

И главное в этой работе, чтобы никто не догадался, что тексты писала ты. Чтобы директор звучал как директор, блог как лучшая подруга, а инструкция как голос разума, если бы у разума был голос.

«Лидтех» был хорош именно этим: там умели ставить задачи. Никаких «сделай красиво» или «напиши что-нибудь душевное». Только техзадание, в котором были и смыслы, и ключевые слова, и даже интонация - ироничная, экспертная, тёплая. Обычно просто тёплая. Иногда после сдачи текста в мессенджер падало: «Огонь, спасибо, закрыли тему», и это было лучше любой зарплаты. В выходные не дёргали. Если писали в субботу, то сразу с извинениями и пометкой «на следующей неделе, если можно». По меркам удалёнки - почти рай.

Но главным раем был сам формат. Удалёнка для Миры - это не просто «работа из дома». Это когда тебе не надо вставать в шесть утра, чтобы нанести макияж, который другие увидят три секунды в лифте. Это когда ты можешь работать в растянутом свитере, который пахнет твоим кондиционером, с чашкой кофе, сваренного по твоему настроению, а не из офисной автоматной бурды.

Это тишина. Никто не стоит над душой, не заглядывает в экран, не спрашивает «ну как успехи?» каждые полчаса. Никто не трогает твой степлер и не занимает единственную удобную переговорку, чтобы обсуждать там продажи, пока у тебя горят сроки сдачи. В офисе ей всегда было неловко. Это вечное «ты тоже за кофе?» у кофемашины, когда ты просто хотела пить и не настроена на светскую беседу. Это обед с коллегами, на котором надо следить за лицом, шутить в тему и делать вид, что тебя правда волнует судьба кота бухгалтера. На удалёнке вместо этого - тарелка супа в тишине и сериал на паузе, потому что можно поесть, когда удобно.

Были и звонки в зуме, конечно. Раз в неделю планерка, иногда обсуждение сложных правок. Но здесь тоже работали свои законы удалённого этикета: она включала видео ровно настолько, чтобы не выглядеть призраком. Волосы расчесаны, плечи в кадре, лицо приветливое. Середину между «я только что из душа» и «я готова к светскому». Всем было комфортно.

Люди в «Лидтехе» были вполне нормальные, насколько она могла судить по переписке. Они умели ставить чёткие задачи, иногда благодарили за хорошую работу и не писали в выходные без острой необходимости.

И за это она их любила почти как родных. Но корпоратив.

Корпоратив - это принципиально иное. На корпоративе надо было общаться. Без повода. Просто так. Стоять с бокалом в руке и говорить что-то вроде «ну как ты вообще?» людям, с которыми она виделась в лучшем случае раз в полгода, и то случайно, потому что Мира умела организовать рабочую жизнь так, чтобы «случайно» случалось как можно реже. Надо было делать вид, что это легко и естественно. Смеяться над корпоративными шутками. Участвовать в командных играх, придуманных, судя по всему, людьми, которые никогда в жизни не испытывали желания просто тихо посидеть в углу.

За три года - два корпоратива. На первом она просидела в углу с бокалом сока до половины одиннадцатого, потом сказала, что ей надо на последнее метро. На втором пришла к самому завершению, успела съесть одну тарталетку с салатом, поймала от HR Леночки взгляд, полный незаслуженной укоризны и всё равно это было лучше, чем три часа командной игры. Леночка, судя по всему, помнила об этом до сих пор. Мира не раскаивалась.

Она смотрела на сообщение ещё минуту. Потом открыла браузер.

Отель Snowline на Красной Поляне оказался именно тем, чем должен быть хороший горный отель: серый камень, широкие окна, крыша под снегом, камин в лобби. Мира методично изучила сайт - номера, фотографии, отзывы, раздел с инфраструктурой. Нашла вопрос про wi-fi в отзывах. Нашла ответ: сигнал уверенный даже на верхних этажах. Проверила ещё раз. Потом ещё раз.

Родился план.

Идеальный план, такой, в котором учтено всё, что только можно учесть.

Приехать на три дня раньше основной группы. Поселиться в номере с видом на горы и три дня просто выдыхать. Спать до одиннадцати, пить кофе в тишине, гулять по лесу, читать книжку, которую откладывала полгода. Никуда не спешить, ни с кем не разговаривать, не отвечать на сообщения дольше пяти минут и чтобы никто не обижался, потому что формально она уже в отпуске.

А заодно спокойно, без надрыва, разобрать рабочий хаос, который всегда копится к концу года. Расписать темы на январь, почистить папки, прикинуть планы. Не потому что кто-то требует, а чтобы войти в Новый Год с чистым ноутбуком и лёгкой головой. Психологически подготовиться к тому, что потом придётся два дня притворяться общительным человеком: улыбаться, говорить «неплохо, а ты?», участвовать в чём-нибудь командном без видимого страдания на лице. А после корпоратива - Новый год, поезд домой, тишина, кофе, и так до одиннадцатого января. Всё в порядке.

Мира написала «подтверждаю участие», закрыла чат раньше, чем успела передумать, и забронировала номер на три дня раньше официального заезда группы. Номер с видом на лес.

Потом закрыла ноутбук, допила холодный кофе одним глотком, не поморщившись, и пошла варить новый. За стеной у соседа музыка стала громче, теперь что-то с колокольчиками и хором. Мира поставила турку на огонь и твёрдо решила, что всё будет хорошо.

Почти поверила.

Сосед

Его она не знала лично, только по звукам. Он появился в квартире напротив четыре месяца назад и сразу обозначил своё присутствие с методичностью человека, который никогда не задумывался, слышно ли его. Во-первых, коробками в коридоре: три дня они стояли у лифта, мешая проходить, и каждый раз, когда Мира на них натыкалась, она мысленно составляла претензию, которую так и не озвучила, потому что озвучивать претензии незнакомым людям в коридоре было в принципе не в её стиле, если только это не было совсем уж крайним случаем. Во-вторых, вечеринкой в первую же пятницу, не особо громкой по чужим меркам, но в одиннадцать вечера это не имело значения.

Тогда она позвонила в дверь.

Открыл высокий темноволосый мужчина. Лет тридцати с чем-то, не старше тридцати пяти. Держал в руке бокал с чем-то красным. Смотрел на неё с выражением лёгкого удивления, не раздражённого и не виноватого, а именно удивлённого, как будто не ожидал, что за дверью окажется человек, а не, например, доставка пиццы, которую он ещё не успел заказать.

— Добрый вечер, — сказала Мира. — Я ваша соседка. Одиннадцать ночи.

Он посмотрел на часы на стене за своей спиной, будто проверял, правда ли это, потом обратно на неё. Часы подтвердили.

— Точно, — согласился он спокойно. — Артём. — И протянул свободную от бокала руку.

— Мира. — Она пожала. Рука оказалась тёплой. — Музыку потише, пожалуйста.

— Конечно. — Он кивнул без тени недовольства. — Заходи, если хочешь.

— Не хочу, — сказала она.

И ушла.

Музыку он убавил в течение трёх минут. Мира оценила это и мысленно занесла соседа в категорию «терпимо», что по её внутренней шкале являлось достаточно высокой оценкой. Большинство людей попадали в категории «нейтрально», «умеренно раздражает» или, в редких случаях, «вполне». «Терпимо» доставалось немногим.

С тех пор они пересекались несколько раз: в лифте, в коридоре, у подъезда. Он всегда здоровался первым легко, без нажима, без попыток растянуть это в разговор. Она всегда отвечала. Один раз он придержал ей дверь подъезда в момент, когда у неё были заняты обе руки - пакеты из магазина, сумка, зонт, который никак не хотел складываться. Она сказала «спасибо». Он кивнул. Один раз они ехали в лифте вместе, и он сказал что-то про погоду, не назойливо,

просто констатировал, что снег, наконец, нормальный. Она согласилась. Лифт доехал до этажа, она вышла, и на этом разговор закончился.

Иногда, совсем редко, обычно поздно вечером, когда уже трудно понять, почему именно сейчас думается именно об этом, до неё доносился запах чего-то жареного с чесноком, и звучала тихая музыка. Мира думала, что, наверное, он умеет готовить.

Это была нейтральная мысль. Просто факт. Больше она о нём не думала.

Часть вторая: Артём

Артём Волков был убеждён, что хороший праздник - это не случайность.

Это работа. Кропотливая, невидимая снаружи работа, которую люди не замечают именно потому, что она сделана правильно. Как хороший монтаж в кино: если его видно - значит, что-то пошло не так. Хороший праздник - это когда гости уходят с ощущением, что всё само собой получилось, легко и весело, и никто из них не думает о том, что за этой лёгкостью стоят три недели переписки с подрядчиками, семь версий сметы, один полностью переделанный сценарий, и звонок в час ночи звукорежиссёру, который потерял флешку с музыкой за два часа до начала.

Он сидел за столом, заваленным распечатками, стикерами и двумя пустыми кружками из-под кофе, и смотрел в смету новогоднего корпоратива для IT-компании «Лидтех». Четыреста тысяч бюджета на развлечения, не считая проживание и фуршет. Горнолыжный курорт. Сто двадцать человек. Тридцать первое декабря. Ни малейшего права на ошибку.

Это был его самый крупный заказ за год. Пожалуй, за все пять лет.

Артём занимался корпоративами и устройством праздников с тех пор, как понял, что работа в офисе и он, существуют в параллельных вселенных, которым лучше не пересекаться. В двадцать шесть уволился из консалтинга тихо, без скандала, без громких объяснений - просто написал заявление в пятницу вечером, в понедельник его уже не было. Никто, кажется, особо не удивился. Начинал с дней рождений и детских утренников - это было страшнее всего остального, потому что дети непредсказуемы, родители нервничают, а фокусник может опоздать или вовсе не приехать, и тогда надо срочно придумывать что-то из воздуха. Именно это научило его главному: держать в голове три запасных плана одновременно и не показывать, что запасной план уже активирован.

Постепенно вырос до корпоративов. Сейчас у него было три постоянных клиента, сарафанное радио и репутация человека, который не срывает сроки. Последнее он ценил больше всего, потому что в его бизнесе репутация была единственной валютой, которая не обесценивается.

Умел придумать программу самостоятельно. Договориться с подрядчиком, который три дня не брал трубку. Успокоить клиента в состоянии паники за пятнадцать минут, иногда меньше, просто говорил спокойно и по делу, и это, как правило, действовало. Умел слышать, чего люди хотят на самом деле, даже если говорили они совсем о другом.

Единственное чего он не умел - сидеть и ждать.

Поэтому, когда смета перестала складываться в цифры, а мозг начал работать вхолостую, он встал, дошёл до кухни и начал нарезать лук. Поставил масло разогреваться, достал сковородку, и через несколько минут кухня наполнилась запахом, от которого обычно становится проще думать. Не потому что он был каким-то особенным кулинаром, просто когда руки заняты, голова работает спокойнее. Этот парадокс он давно перестал объяснять.

За окном падал снег. Крупный, декабрьский, московский, тот, что к утру превратится в кашу на тротуарах. Артём любил снег в горах. Там он был другим: чистым, без компромиссов, без этой городской усталости.

Через десять дней - Красная Поляна.

Телефон завибрировал на столе. HR-директор «Лидтеха»:

«Артём, добрый вечер. Напомните, во сколько вы планируете приехать в отель для подготовки?»

Пунктуальная женщина. Писала всегда чётко, без лирических отступлений.

Он напечатал: «28-го утром. К вечеру всё будет готово к заезду гостей 30-го». Ответ пришёл быстро:

«Отлично. Кстати, у нас один сотрудник заехал немного раньше — 28-го. Копирайтер, работает удалённо. Мира Соколова. Тихая, не помешает».

Артём усмехнулся и написал: «Хорошо, разберёмся».

Убрал телефон. Вернулся к луку. На сковородке зашипело масло, запах пошёл по квартире - тёплый, домашний.

Мира Соколова. Тихая, не помешает.

Что-то в этой формулировке его слегка зацепило. Не тем, что было сказано, а тем, как. Будто человека описывали не как человека, а как предмет интерьера, который не скрипит и не загораживает проход. Он допустил, что, может, просто придирается - HR-директор имела в виду хорошее. Просто у неё такой стиль.

Он помешал лук на сковородке и подумал, что надо взять с собой хорошие специи. Отельные повара с этим, как правило, не дружат.

Москва, 27 декабря. Курский вокзал, 6:47

Мира стояла на перроне с чемоданом - «ручной кладью» и рюкзаком, в котором лежали ноутбук, три книги, наушники, термос и четыре пары носков про запас. Поезд до Адлера отправлялся через семь минут. На платформе пахло кофе из ларька и чем-то неопределённо праздничным, корицей или просто ей казалось.

Она не любила летать. Точнее, не любила аэропорты: слишком много людей в одном месте, слишком много тревожной энергии, которая не рассеивается, а накапливается - в очередях, в зонах досмотра, в накопителях, где все смотрят в телефоны с одинаковым выражением лёгкой обречённости. Поезд был другим. Своё купе, своё окно, двадцать два часа, когда никто тебя не трогает и не ждёт, что ты будешь общительным. Можно работать, можно смотреть в окно, можно спать и всё это совершенно законно, никаких объяснений не требуется.

Она нашла свой вагон, поздоровалась с проводником, закинула чемодан на верхнюю полку - ловко, одним движением, что всегда вызывало у попутчиков немое уважение - и заняла место у окна. Нижняя полка. Купе с одной попутчицей-пенсионеркой, которая уже доставала термос и явно не собиралась разговаривать. Идеально. Абсолютно идеально.

Мира достала ноутбук. Открыла файл. Напечатала первый абзац ещё до того, как поезд тронулся. За окном медленно поплыл перрон. Потом - московские крыши в снегу, переезды, голые деревья, потом дома стали ниже, а деревья гуще, и где-то за Подольском пошёл настоящий снег: не городской, а такой, который падает не спеша, будто никуда не торопится. Мира смотрела на него несколько минут, не замечая, что давно перестала печатать.

Двадцать два часа без обязательств, — подумала она. — Это почти как отпуск.

Она не знала, что в соседнем вагоне, в точно таком же купе, у точно такого же окна сидит её сосед. С термосом крепкого кофе, двумя сумками реквизита и списком дел на четыре страницы, половину которого он мысленно уже переписывал.

Она не знала, что через двадцать два часа они оба окажутся на одном курорте, в одном отеле, где не будет никакого спасения - ни метро, ни лифта, ни возможности просто разойтись по своим квартирам и сделать вид, что ничего не произошло.

Только горы. Снег. И две недели впереди, в которые вместится куда больше, чем она планировала.

Глава 2. Красная Поляна, 28 декабря

Мира. Адлер, 7:14

Поезд опоздал на семь минут, ровно настолько, чтобы Мира успела выпить почти весь термос и окончательно убедиться, что декабрьский рассвет в Адлере совсем не похож на московский.

Московский рассвет — это долгая безысходность. Сначала серое небо, потом чуть менее серое, потом еще чуть менее серое, и в какой-то момент ты понимаешь, что уже день, хотя небо так и не определилось. Здесь все было иначе. На востоке, над морем, небо окрасилось в розовый — аккуратно, без пафоса, как будто кто-то со вкусом подкрасил горизонт. Этого было ровно столько, чтобы поверить: да, утро. Но без обещания чуда. Мира смотрела в окно и думала, что, наверное, так и надо. Чтобы было красиво, но ненавязчиво. Как человек, который улыбается, но не лезет обниматься.

Она вышла на перрон с чемоданом и рюкзаком, поставила вещи у ног и несколько секунд просто стояла и дышала. Воздух был мягким, не тёплым, конец декабря, плюс три, но каким-то другим по ощущениям. Влажным. С запахом, который она не сразу смогла определить: море. Далёкое, невидимое отсюда, но присутствующее в каждом вдохе как данность. Вокруг неё сновали люди с чемоданами, кто-то звонил встречающим, где-то плакал ребёнок. Мира подхватила вещи и пошла на стоянку, искать такси до Красной Поляны.

Водитель попался немногословный, что Мира оценила сразу. Он сказал только: «До Поляны около часа, дорога серпантинная, если укачивает — скажите». Она ответила, что ее не укачивает. Он кивнул, включил радио на такой тихой громкости, что музыка скорее была фоном, чем звуком, и больше не обращался к ней до самого конца поездки.

Они выехали из Адлера и сначала ехали вдоль моря — Мира видела его краем глаза: темное, зимнее, с набережной, где не было ни души, только чайки сидели на перилах и смотрели в никуда. Потом дорога свернула влево и пошла вверх, в сторону гор.

Дальше начиналось то, ради чего, если честно, она и согласилась приехать на три дня раньше. Не только ради тишины и возможности перевести дух, хотя и это тоже. А вот ради этого: дороги, которая ввинчивается в горы, как нитка в игольное ушко.

Сначала потянулись предгорья — пологие холмы, поросшие жухлой травой, редкие дома, словно вросшие в склоны. Дорога петляла, но пока мягко, словно проверяя на прочность. Потом горы стали выше и ближе, и начался серпантин — настоящий, когда дорога складывается сама в себя, когда за каждым новым поворотом открывается вид на тот участок трассы, который ты только что проехал пятью минутами раньше, только теперь он остался где-то далеко внизу.

А еще туннели. Их здесь много, и каждый раз, когда машина ныряет в очередной туннель, Мира задерживает дыхание. Короткий отрезок темноты, гулкий шум, стены, облицованные светлым материалом, влажный воздух и снова свет, снова горы. Как будто кто-то нанизал горы на эту нить дороги, как бусы, и в каждом переходе между ними своя порция тишины.

Мост через Мзымту она запомнила особенно хорошо. Высокий, изогнутый над рекой, с теми самыми вантами, которые удерживают полотно, такие Мира видела только на картинках и в фильмах о футуристическом будущем. А здесь это будущее стояло прямо перед ней, в горах, среди снега и елей, и выглядело настолько невероятным, что хотелось протереть глаза.

Рядом, то обгоняя машину, то отставая, тянулась железная дорога. Она шла высоко на опорах, почти над пропастью, уходила прямо в скалу, исчезала в туннеле и появлялась с другой стороны — тонкая, стальная, невероятная. Мира поймала себя на мысли, что смотрит на нее как замороженная. Сколько же труда это стоило. Сколько людей, техники, расчетов, взрывов,

бессонных ночей. Пробивать дороги, прокладывать пути, строить мосты и всё ради того, чтобы она, Мира, могла сейчас сидеть в тёплой машине и смотреть в окно, ни о чём не думая.

Дорога шла то вровень с рекой, то поднималась выше, и тогда сквозь деревья открывался вид на долину, на крыши посёлков, на заснеженные склоны, где уже угадывались трассы — ровные, расчищенные, готовые принять лыжников. Лес по обеим сторонам менялся, как декорации в театре. Внизу он был лиственным, голым, прозрачным — сквозь ветви просвечивали серые скалы. Но чем выше, тем темнее становилась зелень. Пошли ели, пихты, плотные, тяжёлые, пахнущие хвоей даже через закрытые окна машины.

Снег выпал неожиданно, как будто кто-то провел ножом по карте: до — после. Сначала просто белые точки на обочинах, словно рассыпанная соль. Потом пятна на крышах, на ветках придорожных кустов. А потом — раз, и все стало белым. Склоны ушли под снег, ели стояли в тяжёлых шапках, ветки гнулись под тяжестью, и лес стал таким, каким его рисуют на новогодних открытках — густым, безмолвным, настоящим.

И тишина. Она чувствовалась даже сквозь шум мотора, даже сквозь тихое радио. Горы не любят шума. Они заглушают его, впитывают, переваривают и возвращают чем-то другим, может быть, тем самым покоем, который вдруг поселился в груди Миры где-то между третьим и седьмым поворотом серпантина.

Мира смотрела в окно и молчала. Водитель тоже молчал.

В Москве пространство всегда сжато. Дома жмутся друг к другу, машины трутся бамперами в пробках, люди стоят в очередях так близко, что слышно чужое дыхание. Метро, лифты, офисные коридоры — все сужается, давит, требует быть в форме, реагировать, уворачиваться, успевать. Мира умела в этом существовать, научилась за много лет. Но она уставала. Не жаловалась, просто уставала и замечала это только здесь, когда можно было сорок минут смотреть в окно и ни о чем не думать, просто провожать взглядом туннели, мосты, повороты, снег и горы, которые становились все выше, все ближе и все спокойнее.

Именно поэтому она всегда приходила пораньше, если могла. Чтобы сначала побыть в помещении одной, почувствовать его, понять, где встать. Корпоратив в этом смысле ничем не отличался от переговоров.

Мира убрала термос в рюкзак и поправила волосы. Темно-русые, почти черные в зимнем свете, они были наспех собраны на затылке не потому, что так красивее, а потому, что так не мешали. Ее лицо из тех, что лучше смотрятся в движении, чем на фотографии: оно выглядит немного серьезнее, чем есть на самом деле. Она смотрела в окно с таким выражением лица, которое люди иногда принимают за отстраненность, но на самом деле она просто думает. Просто смотрит и думает, и ей этого достаточно.

Красная Поляна, 8:49

Такси притормозило. Мира вышла, расплатилась, поставила чемодан у ног и подняла голову. Горы.

Не фон, не открытка, не то, что замечаешь краем глаза, пока ищешь главное. Горы были главным. Они были везде — белые склоны уходили вверх к линии леса, над лесом открывались скалы, над скалами — небо, совершенно синее, почти неправдоподобное для конца декабря, такого синего цвета, который бывает только высоко и только в мороз. Трассы на склонах уже работали: маленькие фигурки лыжников шли сверху вниз плавными дугами, как будто кто-то тренировался писать прописные буквы. Она стояла несколько секунд, задрал голову.

Горы были равнодушны. Это в них и нравилось. Потом подхватила чемодан и пошла внутрь. Не потому, что холодно, плюс два, терпимо, и куртка хорошая. Не потому, что торопилась. Просто у нее всегда так: сначала - внутрь. Найти угол, розетку, оценить акустику холла, запомнить, где тихо, а где многолюдно. Освоиться. Горы за окном никуда не денутся, она уже знала, что выйдет к ним позже, когда внутри все будет понятно. Когда она перестанет быть

гостей и станет человеком, который здесь живет. Пусть три дня, пусть две недели — неважно. Это всегда занимает время, и она давно перестала себя за это ругать.

Снаружи отель выглядел так, как и должен выглядеть отель в горах, если архитектор понимает, что делает: серый камень, широкие окна, из которых льется теплый свет, крыша под толстым слоем снега, который еще не успел потемнеть по краям. Отель не пытался соперничать с горами, он просто стоял у их подножия с достоинством, который знает свое место. Из трубы шел дым тонкий, прямой, почти белый на фоне синего неба.

Внутри ее встретило тепло, не духота, а именно тепло, плотное и мягкое, такое, в котороеходишь с улицы и несколько секунд просто стоишь, давая телу перестроиться. Пахло хвоей и чем-то сладким — глинтвейном или специями, которые в таких местах кладут в пакетики и раскладывают по полкам, и тогда запах витает в воздухе сам по себе, независимо от источника.

Холл был высоким, потолок уходил вверх на два этажа, и по периметру его опоясывала балюстрада второго уровня. У лестницы стояла ёлка под потолок, не пышная искусственная, какие ставят в торговых центрах, а живая, немного неровная, с настоящими шишками и гирляндами из грубоватых деревянных фигурок: звёздочек, оленей, маленьких лыжников. Гирлянды тянулись по всем перилам и мерцали в полумраке янтарным, медовым светом — не раздражающим, а таким, при котором хочется замедлиться.

Пол был каменным, темным, но у входа лежали широкие деревянные решетки, чтобы не скользить, когда с ботинок сходит снег. Вдоль стены стояла длинная скамья с крючками для курток, а под ней несколько пар лыжных ботинок в образцовом беспорядке. На стойке ресепшена — живая ветка ели в узкой вазе и маленькая карта склонов под стеклом. Рядом корзинка с карандашами и стикерами — видимо, для записок. Кто-то уже оставил одну: нарисованную от руки снежинку и надпись «здесь хорошо».

В ресторане за стеклянной перегородкой кто-то играл на пианино, негромко, что-то без названия, не рождественское, просто то, что хочется послушать, когда только что приехал с дороги и ещё не совсем освоился. Лыжники проходили через холл с инвентарем, переговаривались, смеялись громко, как бывает после долгого дня на свежем воздухе. Дети бежали к лифту. Кто-то у стойки терпеливо объяснял что-то про ски-пасс и администратор так же терпеливо отвечал. Обычная горная жизнь шумная, добродушная, самодостаточная. Жизнь, в которую Мира не вписывалась, но рядом с которой ей было легко находиться.

У камина — большого, настоящего, с дровами и тихим потрескиванием, сидела пожилая пара. Камин был сложен из того же серого камня, что и внешние стены, а над ним висела старая фотография в рамке: те же горы, только летние, зеленые, и дорога, уходящая вверх по серпантину. Мужчина в свитере с оленями задремал в кресле, чуть склонив голову на грудь. Рядом женщина читала книгу с видом человека, которому совершенно некуда торопиться и который давно перестал испытывать по этому поводу чувство вины. Иногда она отрывалась от книги и смотрела на спящего, с выражением, которое Мира не сразу смогла определить. Потом она поняла: спокойная нежность. Давно любит. Так давно, что это уже не чувство, а часть воздуха, которым дышишь. Просто есть и всё.

Мира отвела взгляд. Взяла ключ на ресепшене. Номер был на четвёртом этаже, с видом на склон. Она поставила чемодан, не открывая, бросила рюкзак на кресло и сразу подошла к окну. Раздвинула шторы. Горы никуда не делись. Они были прямо здесь, за стеклом, плотные и белые, и снег на ближнем склоне блестел так, что хотелось зажмуриться. По трассе медленно ехал одинокий лыжник — широкими дугами, словно не торопился домой и был этому рад. Мира постояла у окна минуту, может, две.

В комнате за спиной было тихо: деревянные панели цвета светлого ореха, теплый плед на кресле — тяжелый, крупной вязки, такой, который берут не потому, что холодно, а потому, что хочется. Кровать с высоким изголовьем и одеялом, которое так и хотелось потрогать, просто чтобы проверить, насколько оно тяжелое. На узком столике у окна стоял маленький графин с

водой и две кружки — это было единственное лишнее, потому что кружка нужна одна. На стене над кроватью простая деревянная полка с тремя книгами. Мира посмотрела на корешки книг: путеводитель по Кавказу, чьи-то забытые или намеренно оставленные «Сто лет одиночества» в мягкой обложке и третья без названия на корешке. Мира так и не поняла, что это за книга. Она достала ноутбук. Поставила на стол. Подключила зарядку. Еще раз посмотрела в окно просто так, в последний раз. И пошла вниз. Искать тихий уголок с розеткой.

В дверях она задержалась на секунду, обернулась. Взгляд упал на ту самую книгу «Сто лет одиночества» на деревянной полке. Мира усмехнулась про себя. Сто лет. Иногда ей казалось, что она тренируется в этом виде искусства всю сознательную жизнь.

Она спускалась по лестнице, и с каждым шагом прошлое настигало её липкой, незваной волной. Обычно она ловко запирала эти воспоминания в самый дальний ящик сознания, но сегодня, в этом чужом городе, среди этих молчаливых вершин, задвижка соскочила. Три года. Три года она выстраивала этот идеальный, тихий мирок, где никто не имеет права вторгнуться в её личное пространство без спроса. И вот она здесь, внизу, ищет розетку в холле чужого отеля, и думает: а была ли это победа или всё-таки бегство? Ответ пришел сам собой, вместе с картинкой из прошлого.

Немного о Мире

Если бы её попросили описать себя, чего она всеми силами старалась избегать, она бы, наверное, сказала: среднестатистическая. Не в смысле невыразительная, просто не та, на которую оборачиваются.

Двадцать девять лет. Рост немного выше среднего — сто шестьдесят восемь. Тёмно-русые волосы, собранные у затылка, не потому что так красивее, а потому что так не мешают. Глаза серые, с зелёным, что замечали обычно только те, кто смотрел достаточно долго. Таких было немного, и Мире это вполне устраивало.

Главное в ней было не внешность, а способ присутствовать в пространстве: тихо, внимательно, не занимая больше места, чем нужно. Она умела становиться частью фона, не из-за неуверенности, а намеренно. Наблюдать было интереснее, чем быть наблюдаемой.

Она редко вспоминала тот день. Три года прошло, а стоило закрыть глаза — и вот оно: открытое пространство опенспейса, пятьдесят столов в ряд, жужжание кулеров, клацанье клавиш, чей-то смех за перегородкой. Она тогда работала в пиар-агентстве, в отделе спецпроектов. Коллектив был нормальный — насколько вообще коллектив может быть нормальным, когда ты единственная, кто молчит на летучках и не ходит на обед с коллегами.

Всё случилось в мае. Был четверг, предпраздничный день — перед длинными выходными народ расслабился, кто-то принёс пирожные, атмосфера стала почти домашней. Мира сидела с наушниками, дописывала пресс-релиз, когда почувствовала чью-то руку на плече. Обернулась.

Илья. Руководитель отдела продаж. Тридцать пять, женат, двое детей. Стоял слишком близко, улыбался слишком широко.

— Мирослава, к тебе можно? — спросил он, наклоняясь к её уху почти вплотную, хотя наушников на ней не было.

Она сняла их. Вопросительно посмотрела.

— Ты как-то всё одна да одна, — сказал он, не убирая руку с её плеча. — Скучно же, наверное?

— Мне не скучно.

— Да ладно. — Он присел на край её стола, прямо на бумаги. — Может, в пятницу сходим куда-нибудь? Я знаю одно место, уютное, там никто из наших не бывает.

Мира смотрела на его руку, которая теперь лежала на её столе слишком близко к её руке. Потом на его лицо. Он улыбался той улыбкой, за которой обычно ничего хорошего не стоит.

— Вы женаты, Илья, — сказала она спокойно.

— Ну и что? — Он убрал улыбку. — Ты же не думаешь, что я серьёзно? Просто расслабиться. Тебе полезно будет. Ты всё время как натянутая струна.

— Я работаю, — сказала Мира. — И вам советую.

Он посмотрел на неё — взгляд изменился, стал другим, холоднее. Убрал руку. Встал.

— Как хочешь, — бросил через плечо. — Я же хотел как лучше.

И ушёл.

Мира вернулась к пресс-релизу. Пальцы чуть дрожали, когда она печатала. Она заставила их не дрожать.

Через две недели коллега, которая иногда здоровалась с Мирой, рассказала ей, что Илья говорит в курилке: «Соколова — фригидная стерва, строит из себя недотрогу, а сама только и ждет, когда кто-нибудь клюнет». Коллега говорила это с сочувствием, но Мира слышала другое: в её голосе звучало любопытство. Ей хотелось подробностей.

Мира ничего не сказала. Не пошла к начальнику. Не написала заявление. Просто доработала до пятницы, а в понедельник утром принесла заявление об уходе «по собственному желанию». На вопрос «почему?» ответила: «Нашла удаленную работу, хочу попробовать». Никто не спрашивал дальше.

Она редко об этом думала. Но когда думала, то каждый раз благодарила себя за то, что ушла. Не потому, что не смогла бы справиться. Смогла бы. А потому, что поняла: она больше не хочет доказывать, что имеет право на личное пространство. Не хочет объяснять, почему не идет пить кофе с теми, кто за её спиной обсуждает её внешность. Не хочет сидеть в опенспейсе, где каждый может подойти сзади и положить руку ей на плечо, и никто не спросит, хочет ли она этого. Удалёнка стала её спасением. Тишина, четыре стены, кофе, который никто не мешает пить. Она думала, что это навсегда.

До этого декабря. До гор.

Ресторан

Отель жил предновогодней жизнью, и Мира прошла через холл, почти не замечая его, целенаправленно, как человек, у которого есть план. Нашла ресторан. Нашла свободный столик у окна, угловой, с розеткой под рукой. Огляделась: тихо, почти никого, только несколько пар за соседними столиками и пожилая пара у камина, те самые, которых она видела в холле. Мужчина проснулся и теперь что-то рассматривал в окне. Женщина читала.

Хорошее место. Свет падал сбоку, не слепил глаза. Вид на горы но не прямо, а чуть наискосок, так что можно было смотреть, когда хочется, и не смотреть, когда не хочется. Столик стоял немного в стороне от основного прохода — официанты огибали его, а не шли прямо. Мира поставила рюкзак на соседний стул и открыла ноутбук. Заказала кофе. Приступила к работе.

Так прошло около двух часов, хорошо, продуктивно, с тем особым ощущением сосредоточенности, которое возникает, когда место подходит для работы. Когда сидишь в правильном кресле, при правильном освещении, когда никто не отвлекает и мысли сами текут в нужном направлении. Такое случалось редко и Мира умела это ценить.

Потом в ресторан вошёл мужчина. Мира подняла глаза и замерла на секунду дольше, чем следовало. Высокий, темноволосый, в темно-синем свитере из тех, что не покупают специально для гор, просто хороший, удобный свитер. В одной руке телефон, в другой планшет. Разговаривал на ходу негромко, деловито, короткими фразами, из которых было ясно только одно: что-то не готово в срок и его это не устраивает. Он двигался по ресторану так, как будто пространство вокруг него подстраивалось: официант с подносом чуть сместился в сторону, не глядя; пара у окна обернулась и снова отвернулась. Он не замечал этого. Или замечал, но не придавал значения. Огляделся. Увидел единственную свободную розетку в зоне видимости, у её столика. Мира почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Глупо. Она здесь работала, он просто искал розетку. Ничего личного.

Он подошёл.

— Можно?

Голос низкий, спокойный, без той навязчивой громкости, которую Мира ненавидела в незнакомцах. Она оторвала взгляд от экрана. Секунда, что-то промелькнуло между ними, быстрое, как узнавание. Или нет. Или показалось. Она не позволила себе задержаться на этом. Молча убрала рюкзак со стула напротив.

— Артём, — сказал он, потому что молчать рядом с незнакомым человеком казалось ему неестественным. Убрал телефон в карман — видимо, звонок закончился.

— Я знаю, — сказала она.

Он остановился. Присмотрелся.

Серые глаза — или зеленые, в этом свете не разберешь. Прямой, немного настороженный взгляд. Легкая складка у рта, не улыбка, а скорее её намеренное отсутствие, как будто она не считала нужным улыбаться по умолчанию. Тёмно-русые волосы небрежно собраны на затылке, несколько прядей выбились, и она их не убирала — или не замечала.

— Соседка. Мирослава.

— Мира, — поправила она и вернулась к экрану. Спокойно. Без извинений.

— Ты из «Лидтеха»?

— Ты организатор корпоратива?

— Да.

— Тогда да.

Артём усмехнулся. Что-то в её манере в том, как она отрезала фразы, не оставляя пространства для лишнего, показалось ему занятым. Не раздражающим, а именно занятым. Как будто она заранее знала все вопросы и приготовила ответы, чтобы не тратить время. Она сделала вид, что не заметила его усмешки, и надела наушники. Они работали рядом больше двух часов. Сначала Мира пыталась не обращать на него внимания, по-настоящему не обращать, как учила себя годами. Сосредоточиться на тексте, на строчках, на дедлайнах. Но краем глаза она всё равно видела: он выходил на звонки и возвращался, раскладывал распечатки, набрасывал что-то на листах бумаги быстрыми, уверенными движениями. Говорил тихо, когда говорил. Не хлопал крышкой ноутбука. Не двигал стул.

Это было... непривычно.

Она поймала себя на том, что прислушивается к его голосу, когда он говорит по телефону. Не к словам, к интонациям. Спокойным, деловым, без нервных ноток. Таким голосом можно уговаривать детей есть кашу или объяснять подчинённым, что дедлайн горит и никто не обидится. Она одёрнула себя. Какая разница?

Оба не мешали друг другу. Это было почти странно, сидеть рядом с посторонним человеком и не чувствовать необходимости что-то сказать, оправдать своё присутствие, улыбнуться для приличия. Просто работать. Как будто так и надо.

Один раз официант принёс ей второй кофе без заказа. Мира посмотрела на кружку, потом на удаляющегося официанта, с лёгким недоумением, без особых эмоций потом просто выпила. Не поблагодарила вслух, не стала разбираться. Если принёс, значит, надо. Она не любила выяснять то, что не требовало выяснения. Артём это заметил. И то, что не поблагодарила, и то, что всё равно выпила. Что-то в этом было последовательным, в хорошем смысле. Она не изображала никакой реакции. Просто делала то, что казалось ей логичным. Он поймал себя на том, что наблюдает за ней дольше, чем следовало, и с усилием вернулся к смете.

Вечер. Бар

В баре горел камин, тот же, что в холле, или другой, поменьше, но с тем же негромким потрескиванием дров и тем же запахом, который к вечеру стал гуще. На полках за барной стойкой рядами стояли бутылки, и их отражения плавали в тёмном стекле немного размытые, янтарные. Бармен протирал бокалы с видом человека, которому это нравится. Пожилая пара

из холла сидела с бокалами красного и говорила о чём-то своём, негромко смеялась. Смех у неё был лёгким, у него чуть с хрипотцой, и оба смеялись чуть невольно, как бывает, когда разговор давно идёт по каким-то своим правилам, понятным только двоим.

Мира устроилась через два столика, взяла чай, открыла детектив. Она уже откладывала его дважды и теперь пообещала себе дочитать до конца. Строки должны были увести её в другой мир, подальше от мыслей, которые начинали шевелиться где-то на периферии. Она успела прочитать страниц пять, когда рядом появился Артём с кружкой глинтвейна. Свободных мест в баре хватало. Он огляделся и сел за соседний столик. Не напротив, не вплотную. За соседний.

Мира почувствовала, как пальцы чуть сильнее сжали книгу. Глупо. Он имел право сидеть где угодно. Это бар, не её личная гостиная. Она перевернула страницу, делая вид, что поглощена текстом. Но буквы не складывались в слова. Она читала одно и то же предложение в третий раз и не могла понять смысла.

— Хорошая книга? — спросил он.

Голос был спокойным, без намёка на навязчивость. Просто вопрос. Человек спросил — человек ответит, если захочет.

Мира подняла глаза.

— Не знаю ещё. Только начала.

— О чём?

Она посмотрела на него внимательнее. В темноте бара его лицо казалось мягче, чем днём при искусственном свете ресторана. Тени от камина ложились на скулы, делая черты более выразительными. Или ей просто казалось. И вдруг, неожиданно для себя самой, в ней шевельнулось что-то похожее на озорство. Редкое, почти забытое чувство.

— О человеке, которому мешают читать, — сказала она и посмотрела на него с лёгким вызовом. Пауза.

Он смотрел на неё секунду, другую. Потом уголок его губ дрогнул.

— Понял, — сказал Артём. Без обиды. Без попыток оправдаться. Достал телефон.

Мира вернулась к книге, но внутри будто странно шевельнулось. Она не привыкла, чтобы на её колкости реагировали вот так — спокойно, с лёгкой усмешкой, без желания ударить в ответ или, наоборот, начать угождать. Просто приняли как факт. Как будто он знал что-то, чего не знала она. Они сидели рядом молча. Он листал что-то, иногда печатал. Не разговаривал, не ёрзал, не пытался снова начать разговор. Просто сидел рядом.

И это, к собственному удивлению Миры, оказалось... не невыносимым.

Скорее нейтральным. Почти приятным, если честно, хотя она не стала развивать эту мысль. Она вообще старалась не развивать мысли, которые касались его.

Строки шли одна за другой, но не задерживались в голове. Краем глаза она видела, как он работает за телефоном — уверенные, быстрые движения, явно что-то по работе. Иногда он хмурился, иногда что-то быстро записывал на бумаге. Работал так же, как сидел: не показывая, что работает. Ей это было понятно — она делала то же самое.

Пожилая пара у камина перешла на полусшепот. Женщина что-то сказала, мужчина покачал головой и улыбнулся. Потом она легонько толкнула его локтем и едва заметно кивнула в их сторону. Мира этого не видела, она читала. Но что-то в атмосфере изменилось, стало теплее, уютнее. Или это просто огонь в камине давал такое ощущение.

Вечер. Канатная дорога

После бара она вернулась в номер, поработала ещё час, потом закрыла ноутбук и обнаружила, что сидит в четырёх стенах с самого приезда.

За окном темнели горы в закатном свете, не розовом, как утром в Адлере, а синевато-сером, спокойном, словно день уходил без лишних слов. Она смотрела на них несколько секунд. Потом встала, надела куртку и вышла. Ей нужно было проветриться. От мыслей, от

впечатлений, от того странного чувства в груди, которое появилось в баре и никак не хотело уходить.

Горнолыжный курорт жил вечерней жизнью: светились окна ресторанов, из нескольких заведений одновременно доносилась музыка, лыжники в расстёгнутых куртках шли с лыжами в руках и громко переговаривались, как бывает после долгого дня на свежем воздухе, когда устал, но хорошо устал, и усталость эта приятная, заслуженная. Мира прошла мимо, не останавливаясь, и нашла то, что хотела: канатная дорога работала еще час до закрытия технического подъема. Кабинки поднимались почти пустыми.

Она купила разовый билет. Кассир посмотрел на неё с лёгким удивлением, не то чтобы с недовольством, просто: в такое время, без лыж, одна. Она не стала ничего объяснять. Ей не нужно было объяснять.

Кабинка была маленькой, на шесть мест, и Мира ехала одна.

Внизу уплывали огни деревни, сначала они были совсем близко, потом стали отдаляться. Она обернулась, но там уже было только светящееся пятно среди темноты и снега — маленькое, тёплое, живое. Канат тихо гудел. Кабинка слегка покачивалась — едва заметно, как люлька. И в этом покачивании было что-то убаюкивающее, почти детское. Как будто она снова маленькая и кто-то качает её на качелях. Наверху было по-настоящему тихо.

Она вышла на смотровую площадку у верхней станции, сунула руки в карманы и просто остановилась. Горы были повсюду. Днём они казались огромными. Сейчас, в темноте, когда их очертания угадывались только по тому, где заканчивались звёзды, они казались бесконечными, не угрожающими, а просто существующими с незапамятных времён. Снег на склонах отражал свет так, что темноты не было совсем, только синевато-белое свечение, мягкое, нереальное, как будто горы светились сами по себе. Далеко внизу мерцала деревня. Выше ничего, кроме гор и неба.

Мира стояла и смотрела. И вдруг, без всякой связи, она вспомнила, как Артём смотрел на неё в баре, когда она сказала про человека, которому мешают читать. Не обиженно, не раздражённо. С интересом. Как будто она была загадкой, которую ему захотелось разгадать.

Она тряхнула головой, отгоняя мысль. Глупо. Случайный человек в отеле. Организатор корпоратива. Через две недели они разъедутся и никогда больше не увидятся.

Она не думала ни о тексте, ни о корпоративе, ни о предстоящих двух неделях. Просто стояла. Иногда это тоже нужно, не думать ни о чем конкретном, просто находиться в месте, которое больше тебя, и воспринимать это как данность, а не как угрозу. Не бороться с этим и не растворяться в этом. Просто стоять рядом.

Ветер был несильным, но холодным, сухим, горным, от которого щипало в носу и хотелось дышать полной грудью.

Она дышала. Потом заметила, что небо на западе изменилось. Там, где еще час назад четко виднелась темная линия горного хребта, теперь было что-то другое, размытое, как будто кто-то провёл по горизонту ластиком. Облака шли снизу и слева, плотные, тяжёлые, и двигались быстро, быстрее, чем обычно движутся облака, если смотреть на них снизу.

Погода меняется, — подумала Мира.

Просто заметила, как замечают факт, который пока не касается лично тебя. Как замечают, что в соседней комнате включили музыку: слышно, но не тебе.

Она постояла еще немного. Потом пошла к станции, последняя кабина вниз отправлялась через десять минут. Спуск занял семь минут. Огни деревни приближались медленно, потом быстрее. У нижней станции уже заметно похолодало, усилился ветер, в воздухе стало больше снежинок, они летели горизонтально, цепляясь за рукава.

Мира подняла капюшон и пошла в сторону отеля. За её спиной остановилась канатная дорога. Огни на башнях мигнули и погасли. Небо на западе стало сплошным.

Ночь

В номере было темно и тихо, только свет от уличных фонарей пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на полу длинные бледные полосы. Мира скинула куртку на кресло, прошла босиком к окну и рывком раздвинула шторы до конца.

Горы спали.

Они угадывались тяжелыми темными силуэтами на фоне чуть более светлого неба — неподвижные, равнодушные, древние. Где-то там, наверху, еще час назад она стояла одна и дышала этим холодным воздухом, пытаясь выстудить из головы лишние мысли.

Не помогло. Мысли сидели под ребрами теплым, липким комом и не собирались уходить. Мира отвернулась от окна, включила торшер у кровати, мягкий, желтоватый свет упал на белоснежное одеяло, на подушки, на книгу, которую она так и не дочитала в баре. Детектив валялся на тумбочке раскрытой, страницами вниз, она бросила его, когда уходила на канатку, даже закладку не положила.

Сейчас она взяла книгу, полистала, пытаясь найти то место, где остановилась, но буквы не складывались в слова. Перед глазами стояло другое. То, как он сидел за соседним столиком. Не напротив, не вплотную. За соседним. Как будто специально выбрал дистанцию, которую она могла бы выдержать. Как будто понимал что-то, чего другие не понимали. Она отложила книгу.

В ванной шумела вода, Мира пустила её, просто чтобы слышать что-то, кроме собственных мыслей. Разделась, встала под горячие струи, закрыла глаза. Пар заполнял кабинку, обволакивал, заставлял дышать глубже. Хорошо. Почти хорошо.

Но когда она выключила воду и тишина снова накрыла номер, мысли вернулись. О человеке, которому мешают читать. Зачем она это сказала?

Она не была острой на язык. Вообще не была. Обычно она молчала, если не спрашивали, и отвечала коротко, если спрашивали. А тут вдруг — выпад. Провокация. Словно кто-то другой включился внутри и сказал за неё.

И его реакция. Не обида, не раздражение, не попытка оправдаться. Просто: Понял. И всё. Как будто он услышал не колкость, а что-то другое. Как будто он понял что-то, чего она сама до конца не понимала. Мира натянула пижаму — старую, удобную, из мягкого хлопка, которую возила с собой во все поездки, потому что в ней было безопасно. Забралась под одеяло. Оно действительно оказалось тяжелым, приятно тяжелым, давящим на тело ровно настолько, чтобы чувствовать себя укрытой.

Она выключила торшер. В темноте мысли стали громче. Три года.

Три года она жила одна. Не просто одна — одна. Без попыток, без надежд, без глупого ожидания, что кто-то появится и всё изменит. Она выстроила свою жизнь как крепость: работа, дом, книги, редкие прогулки, никаких случайных знакомств, никаких «просто посмотрим, что будет». В крепости было безопасно. В крепости никто не мог положить руку ей на плечо без спроса. Никто не мог сказать за спиной «фригидная стерва» только потому, что она не захотела идти с ним в ресторан.

Она думала, что это навсегда. До этого декабря. До гор. До соседа с планшетом и тёмно-синим свитером. Мира перевернулась на другой бок, подложила руку под щеку. За окном ветер гнал снег, она слышала, как редкие снежинки бьются в стекло, почти невесомые, почти беззвучные.

Интересно, он сейчас тоже не спит?

Она замерла от этой мысли. Зачем ей это знать? Какая разница? Через две недели они разъедутся. Она вернется в свою квартиру, в свою тишину, в свою работу. Он останется где-то там, в своей жизни, о которой она ничего не знает и знать не хочет.

Но почему-то перед глазами стояло его лицо в баре. Тени от камина на скулах. Спокойный взгляд. Усмешка, когда он сказал «Понял». Не обидчивая, не злая. Какая-то... понимающая.

Хватит. Она закрыла глаза. Приказала себе дышать ровно. Считать овец, или удары сердца, или снежинки за окном, что угодно, лишь бы перестать думать о нём.

Сон приходил медленно, цепляясь за края сознания. В полудреме ей показалось, что в коридоре кто-то прошел, легкие шаги, приглушенные ковром, шорох одежды. Или не показалось. Или это просто ветер. Мира проваливалась в сон, и последней мыслью уже на грани, там, где мысли перестают подчиняться контролю, было: Завтра она снова его увидит.

Глава 3.29 декабря. Метель

Мира проснулась от тишины.

Не от звука, а именно от её отсутствия. Никакого города за окном. Никакого фонового гула, к которому она так привыкла в Москве, что перестала его замечать, того постоянного, низкого, почти инфразвукового присутствия мегаполиса, который не спит никогда. Здесь не было ничего. Только тишина, плотная, как вата, как будто мир снаружи временно выключили.

Она лежала и слушала, как ничего не происходит. Первые секунды, то особое состояние между сном и явью, когда ещё не знаешь, где ты и почему простыни незнакомые, а потолок не тот. Потом вспомнила всё сразу: горы, отель, дорога серпантином, кабинка канатки, которая поднималась в темноту. И почти физически, то ощущение высоты и воздуха, которое осталось с ней даже во сне. Как будто её лёгкие всё ещё помнили этот воздух — острый, сухой, без всякой московской примеси.

Она улыбнулась потолку. Это было неожиданно даже для неё самой. Потом открыла глаза, и улыбка сошла на нет. За окном было белое. Не синее, как вчера утром, то оглушительно яркое небо над склонами, то самое небо, ради которого, если честно, и стоит приезжать в горы в декабре. Теперь белое, плотное, движущееся. Снег шёл горизонтально. Ветер гнал его вдоль склона ровными потоками, и было в этом что-то почти механическое, методичное, как конвейер, которому безразлично, нравится тебе это или нет. Горы исчезли. На их месте было просто белое ничто.

Мира приподнялась на локоть и долго смотрела в окно. Метель пришла ночью, это было ясно по тому, как плотно снег лежал на козырьке над террасой: не слой, а целый пласт, выровненный ветром, утрамбованный. Вчера вечером, когда она спускалась с канатки и шла к отелю, снег только начинал идти, только набирал силу. Теперь он взял всё в свои руки — склоны, трассы, дороги. Небо и горы перестали существовать как отдельные вещи, слившись в одну сплошную белую завесу.

Она взяла телефон с тумбочки. Половина девятого. Три непрочитанных сообщения в общем чате «Лидтеха»:

«HR Лена: Коллеги, доброе утро! Из-за непогоды часть рейсов задержана или отменена. Следите за обновлениями» «Миша из разработки: Наш рейс отменили, пересаживаемся на завтра, если будет чем лететь» «Лена: Уточняем информацию, всё будет хорошо!»

Мира положила телефон обратно на тумбочку. Посмотрела на метель. И почувствовала нечто, в чём не сразу решилась себе признаться: облегчение. Тихое, почти виноватое, но вполне отчётливое. Три дня тишины, которые она так тщательно спланировала, неожиданно получили продолжение, не по её воле, но всё равно. Коллеги не приедут сегодня. Возможно, и завтра не приедут. Отель останется таким, как сейчас: немногочисленным, спокойным, с пожилой парой у камина и тихой музыкой из ресторана.

Хорошо, — сказала она себе, и ни капли не устыдилась. Потом встала, умылась, оделась, взяла ноутбук и пошла вниз завтракать.

Ресепшен гудел, негромко, но напряжённо, как трансформаторная будка перед грозой. Несколько постояльцев стояли у стойки с видом людей, которые хотят что-то сделать, но не понимают что. Молодой администратор с усталыми глазами, явно начавший смену ещё до того, как началась эта история, объяснял спокойно и одинаково каждому: дорогу на Адлер закрыли с шести утра из-за лавинной опасности на перевале, горнолыжные подъёмники приостановлены, ресторан и бар работают в штатном режиме, когда ситуация изменится — объявят по внутренней трансляции.

Мира прошла мимо, не останавливаясь. Взяла кофе в ресторане, большую кружку, и пошла к своему вчерашнему столику у окна. Открыла ноутбук. Посмотрела в экран. Закрыла.

Работать не хотелось, и это само по себе было событием. Обычно у неё всегда находилось что-то: текст, правки, набросок будущей статьи. Работа была надёжным якорем, который она бросала в любую погоду, в буквальном и переносном смысле. Но сейчас за окном стояла такая плотная белизна, такая намеренная, почти демонстративная пауза во всём, что делать вид, будто срочно надо что-то написать, казалось неуместным.

Метель взяла своё. Можно было просто сидеть. Она обхватила кружку ладонями, откинулась на спинку стула и стала смотреть в окно. Думала о вчерашнем вечере в баре, о том, как он сказал «понял» без обиды и без попытки оправдаться. Просто принял к сведению и достал телефон. А потом сидел рядом, и это оказалось не невыносимым. Скорее нормальным. Почти приятным, если честно, хотя развивать эту мысль она себе не позволила.

Мысли шли по кругу, неторопливо, как снег за стеклом.

Мира тряхнула головой, открыла ноутбук обратно и всё-таки начала писать, не потому что надо, а потому что руки привыкли и без работы им было беспокойно.

Он появился где-то в начале одиннадцатого. Мира увидела его раньше, чем он добрался до кофе. Артём стоял у стойки ресепшена с телефоном у уха. Не говорил, слушал. Лицо спокойное. Слишком спокойное, именно так, как бывает, когда человек очень старается выглядеть спокойным и пока ещё справляется. Рука, опущенная вдоль тела, чуть сжата. Он кивал кому-то невидимому, методично, как кивают, когда слова на другом конце провода не то чтобы неприятные, просто неудобные.

Мира не стала смотреть демонстративно. Просто краем зрения, пока грела руки о кружку. Видела, как он опускает телефон. Как стоит секунду- ровно столько, сколько нужно, чтобы принять решение не показывать то, что думаешь. Как идёт к кофе-стойке, берёт кружку, оглядывается.

Приходит к её столику.

— Можно?

Мира кивнула на стул напротив. Он сел. Обхватил кружку двумя руками, машинально, как обхватывают что-то тёплое, когда нужно за что-то держаться. Смотрел в окно, где не было ничего, кроме снега. Молчал.

Мира смотрела на его руки. На то, как пальцы чуть сильнее сжали кружку, потом отпустили. На то, как он не смотрит на телефон — намеренно не смотрит, хотя наверняка хочется.

— Корпоратив? — спросила она.

— Корпоратив, — сказал он.

— Все застряли?

— Половина в Адлере. Вторая вообще не вылетела из Москвы — рейсы с утра отменяют.

— Пауза. — Дорогу закрыли.

— Когда откроют?

— Не знают.

Он произнёс это ровно, но в этом «не знают» было что-то, что она услышала отчётливо: не просто информация, а целая цепочка последствий, которую он уже просчитывал в голове. Сто двадцать человек. Оплаченный отель. Программа, расписанная по минутам. Бюджет, который никуда не делся, а ситуация — вот она, за окном, белая и совершенно равнодушная к чужим планам.

Она не торопилась ничего делать. Просто смотрела. Потом поймала себя на мысли, что ей неловко не из-за того, что он её видит, а из-за того, что видит он сам: пустой стол, перекрытую дорогу, людей в аэропортах. Было в этом что-то такое, что она осознала не умом, а каким-то более древним, более молчаливым знанием. Варя — подруга со второго курса, единственный человек, которому она звонила в три часа ночи, когда ей было совсем плохо, однажды сказала ей: «Ты не нелюдима, Мир. Ты просто не тратишь себя на ерунду». Тогда Мира не поняла, что она имела в виду. Сейчас, кажется, поняла. Когда кому-то было по-настоящему плохо, не по-

светски плохо, не для приличия, что-то внутри неё реагировало само, без участия правил и протоколов. Не из жалости. Просто так.

Мира посмотрела на его лицо. Он смотрел в окно туда, где за метелью угадывались горы, которых не было видно. Смотрел так, как смотрят люди, которые привыкли находить решения и сейчас злятся не на ситуацию даже, а на то, что решения пока нет и взять его негде. Она встала. Подошла к кофе-стойке, налила вторую кружку, не себе, она ещё свою не допила, и поставила перед ним. Без слов.

Ее пальцы задержались на кружке на секунду дольше, чем нужно, пока она ставила ее на стол. Близко. Ближе, чем если бы она просто поставила кружку и отошла. Она почувствовала тепло керамики, почти такое же, как от его руки, которая через мгновение возьмет эту кружку. Подумала об этом и тут же перестала думать.

Артём посмотрел на кружку. Потом на неё. Молчал секунду-другую, с таким выражением, как будто пытался понять, что именно произошло и зачем. Не потому что жест был непонятным. А потому что он не ожидал его от неё, от человека, который вчера сказал «о человеке, которому мешают читать» и надел наушники.

Внутри него что-то чуть отпустило. Совсем немного, но отпустило.

— Ты из той компании, — сказал он наконец. Это был не вопрос.

— Да.

— И ты рада, что они не приехали.

Долгая пауза. За окном метель методично делала своё дело.

— Кофе стынет, — сказала Мира и откинулась на спинку стула.

Артём впервые за утро усмехнулся по-настоящему, не для вида. Взял кружку обеими руками. И подумал, что, наверное, сегодня не так плохо начинается день. Несмотря ни на что. Они просидели так довольно долго, каждый со своей кружкой, каждый молча. Метель за окном не думала утихать. Раз в несколько минут порыв ветра бросал снег в стекло с такой силой, что казалось: кто-то снаружи намеренно напоминает — никуда не денетесь, сидите.

Артём достал телефон. Посмотрел на экран. Убрал обратно.

— Бесполезно? — спросила Мира.

— Пока да. Пока дорога закрыта — всё остальное не имеет значения. — Он помолчал. — Первый раз за пять лет не знаю, что делать руками.

— Это называется «выходной».

— Я не очень умею в выходные.

Мира посмотрела на него. Он не жаловался, просто констатировал факт с таким видом, как будто сам немного удивлён этим открытием.

— Я тоже, — сказала она.

Это признание далось неожиданно легко. Обычно она не говорила такого вслух, не потому что стеснялась, просто не нужно было. А здесь слова вышли сами, коротко и без лишнего. Он посмотрел на неё иначе, не оценивающе, а как смотрят, когда узнают в чужих словах что-то своё.

— И что ты обычно делаешь, когда не работаешь?

— Читаю.

— Принеси книгу сюда. Будешь читать здесь. — Он кивнул на окно. — При метели лучше читается.

Мира почти возразила по привычке, потому что чужое присутствие во время чтения всегда было для неё из разряда невозможного. Но что-то остановило. Может, метель. Может, то, что альтернативой было сидеть в номере и смотреть в потолок.

— А ты? — спросила она.

— У меня блокнот. Буду переписывать программу. На случай, если всё-таки приедут.

— Оптимист.

— Реалист. — Он снова взял кружку. — Если не переписать — потом не успею.
Мира думала секунду. Потом встала.
— Я сейчас, — сказала она.

Когда она вернулась с детективом и своим пледом, тем самым, который захватила из номера почти автоматически, он уже сидел с блокнотом и что-то быстро набрасывал. Поднял взгляд. Ничего не сказал, просто чуть подвинул свою кружку, освобождая ей место на столе. Она устроилась напротив. Открыла книгу.

За окном выла метель. В ресторане было тепло, пахло кофе и хвоей с гирлянд в холле. Они сидели друг напротив друга он с блокнотом, она с книгой и не разговаривали. Это было неловко ровно первые три минуты. Потом перестало быть неловким. Мира читала одну страницу, иногда поглядывая на то, как он работает: быстрые, уверенные пометки, иногда пауза, взгляд в никуда, снова ручка. Человек, который думает не словами, а схемами. Это было видно.

Он ни разу не заговорил с ней просто так. Не спросил, как книга, не прокомментировал метель, не стал объяснять, что именно пишет. Просто работал рядом, как вчера в ресторане, как в баре. С той же спокойной самодостаточностью, которая, как она уже начинала понимать, была его обычным состоянием, а не позой.

Это было странно — сидеть с почти незнакомым человеком и не чувствовать необходимости что-то делать с этой близостью. Ни заполнять её, ни избегать. Просто сидеть. Как будто вы знакомы уже много лет и можно вместе помолчать. Просто метель за окном. Просто утро, которое незаметно перетекало в день.

День

К обеду метель и не думала останавливаться. Она просто менялась, то утихала до вялого снегопада, то вдруг снова набирала силу и начинала гнать снег горизонтально, так что в окне не было видно ничего на расстоянии вытянутой руки. Горы существовали где-то там, за этой белой завесой, угадывались, но не показывались. Это почему-то успокаивало.

Артём перевернул очередную страницу блокнота. Программу он переписал уже дважды — первый вариант был слишком оптимистичным, второй слишком урезанным. Третий начал складываться, но медленно, потому что мысли упорно не желали сосредотачиваться на смете.

Он поднял взгляд. Мира читала. Она делала это так, как делают люди, которые умеют по-настоящему уходить в книгу: не шевелилась, не оглядывалась, страницы переворачивала медленно — дочитывала до конца, не торопилась. Плед был перекинут через спинку стула, но она его не взяла, просто сидела в свитере, поджав одну ногу под себя, и читала. Иногда чуть хмурилась, не раздражённо, а сосредоточенно, как будто автор сказал что-то спорное и она ещё не решила, соглашаться или нет.

Артём поймал себя на том, что смотрит. Отвёл взгляд. Вернулся к блокноту. Написал цифру. Зачеркнул. Написал другую. Проблема была не в цифрах. Цифры он знал наизусть — бюджет, подрядчики, тайминг. Проблема была в том, что за три часа работы рядом с ней он поймал себя на нескольких вещах, которые не вязались с его обычным способом думать о людях. Например: он заметил, как она держит книгу — двумя руками, слегка наклонив, как будто хочет быть ближе к тексту. Заметил, что кофе она допивает всегда до дна, даже когда он уже холодный. Заметил, что когда за окном особенно сильный порыв ветра, она на секунду отрывает взгляд от страницы и смотрит в стекло, не тревожно, просто отмечает.

Он не привык замечать такие вещи. Обычно люди для него существовали в контексте: клиент, подрядчик, гость мероприятия. Каждый со своей задачей, своим местом в схеме. Это было удобно и понятно. Мира не вписывалась в схему никак. Она была просто — здесь. Через стол. С книгой и холодным кофе.

Артём снова поднял глаза, теперь уже не отвлекаясь, а пытаясь понять, что именно его так цепляет. Мира не была красивой в привычном смысле, не той, от которой перехватывает

дыхание на улице. Но в ней была порода, которая чувствовалась только на близком расстоянии. Тёмно-русые волосы, собранные на затылке, открывали аккуратные уши и линию скул, проступающую слишком явно, но ровно настолько, чтобы взгляд захотел задержаться. Серые с зеленью глаза, сейчас он видел это чётко, были широко расставлены, что придавало лицу выражение постоянной, спокойной внимательности. Она не просто сидела, она присутствовала в пространстве целиком, не разменивая себя на суету. И чем дольше он смотрел, тем меньше ему хотелось возвращаться к дурацкой смете.

Артём закрыл блокнот. Открыл. Попробовал снова. В половине первого официант принёс меню, молча положил между ними, как будто само собой разумелось, что они вместе. Артём посмотрел на меню, потом на неё.

— Обедаеть?

Мира оторвалась от книги. На границе её мира и этого ресторана повисла привычная мысль: «Сейчас начнётся». Сейчас он спросит, о чём книга, и придётся объяснять, что она читает детектив, и слушать про то, что он тоже любит детективы, но смотрит только сериалы, а потом про сериалы, а потом... Она уже почти открыла рот, чтобы ответить коротко и снова уткнуться в книгу, давая понять, что разговор окончен.

Но он не спросил о книге. Он просто ждал ответа на свой вопрос про обед. Это сбило с толков ровно настолько, чтобы она ответила честно.

— Да, наверное.

Она взяла меню. Официант записал заказы и ушёл. Мира закрыла книгу, неохотно, заложив пальцем страницу. Тишина повисла между ними, но она была какой-то... не требующей заполнения. Просто пауза.

— Хорошая? — кивнул он на книгу.

— Предсказуемая. — Она положила её на стол. — Убийца очевиден с первых страниц, но я дочитаю.

— Зачем, если и так всё ясно?

— Интересно, как автор будет выкручиваться. Иногда финал — не главное. Главное — дорога к нему.

Артём посмотрел на неё. Что-то в этом ответе зацепило, не сама мысль даже, а то, как она её сказала. Спокойно, как о давно решённом. И главное, в её голосе не было привычной настороженности, с которой она говорила с ним до сих пор. Появился интерес. Простой, человеческий интерес к теме разговора.

— Ты часто читаешь такое? Детективы?

— Часто. — Она поставила локти на стол. — В них люди предсказуемы. Мотивы понятны. Всё сходится в конце.

— В отличие от жизни.

— В отличие от жизни, — согласилась она — просто, без иронии.

Они посмотрели друг на друга. В этом взгляде не было вызова или флирта. Было молчаливое признание общего знания: жизнь, штука куда более запутанная, чем любой детектив. И это знание почему-то не отталкивало, а наоборот, создавало между ними что-то похожее на тихое, почти невесомое доверие. Именно тогда, в этот короткий миг общего понимания несовершенства жизни, она и решилась задать следующий вопрос. Не из вежливости, а потому что ей вдруг стало искренне любопытно.

— А ты что читаешь? — спросила она.

Артём чуть усмехнулся. Она спросила. Сама.

— Сметы. Договоры. Иногда меню.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что там нет людей. Только цифры.

— В сметах очень много людей, — сказал он серьёзно. — Просто они зашифрованы в статьях расходов.

Мира посмотрела на него внимательно, с тем лёгким прищуром, который он уже начинал узнавать. Как будто проверяла: шутит или нет. Ей нравилось это чувство — проверять и не находить подвоха.

— Например? — сказала она.

— Например, строчка «аренда оборудования» — это всегда звукорежиссёр Дима, который в последний момент теряет флешку с музыкой и звонит мне в час ночи. А «транспортные расходы» — это водитель Саша, который знает все объездные пути в любом городе, но принципиально не пользуется навигатором.

Она молчала секунду, переваривая этот неожиданный взгляд на мир, где даже цифры могут быть живыми.

— А «непредвиденные расходы»?

— Это всё остальные.

На этот раз она засмеялась — коротко, почти беззвучно, но по-настоящему. Он не шутил. Он просто так видел. И это было... заразительно.

Принесли еду. Они ели молча, не потому что говорить было не о чем, а потому что молчание вдруг стало таким же нормальным, как разговор. Исчезла необходимость всё время сканировать собеседника. Она просто ела и чувствовала себя... спокойно. За окном метель то усиливалась, то чуть отступала. В ресторане было тепло.

Мира отломала кусок хлеба, посмотрела в окно на белую мглу и подумала о том, что только что произошло. Она сама поддержала разговор. Не из вежливости, не потому что он настаивал. Просто ей стало интересно. Это было такое забытое ощущение, что она не сразу его опознала. Она посмотрела на него, он сосредоточенно ел, не пытаясь снова заговорить, не нарушая её пространство. Странный. Удобный.

— Как думаешь, завтра откроют дорогу? — спросила она, скорее проверяя это новое ощущение, чем действительно needing в ответе.

— Хочу верить, что да. — Он отложил ложку. — Хотя в глубине души почти не против, если нет, несмотря на огромные деньги, которые я потеряю.

Она повернулась к нему. Посмотрела с лёгким удивлением.

— Ты же только что переписывал программу.

— Переписывал. — Он пожал плечом. — Но здесь тихо. И думается нормально. — Пауза. — Такое редко бывает. А об остальном, я не хочу думать.

Она поняла, о чём он. О таком же спокойствии, какое чувствовала сейчас сама. О том, как редко выпадает возможность просто быть, не играя роль.

Мира ничего не ответила. Только снова посмотрела в окно — туда, где за белой стеной должны были быть горы. А потом её взгляд сам собой сместился на дальний столик у камина. Ту самую пожилую пару, которую она заметила ещё в первый день. Он, в свитере с оленями, сегодня достал небольшой этюдник и что-то неспешно зарисовывал — не горы, которых не было видно, а то, что было перед глазами: окно в снегу, ёлку в холле. Она, с неизменным серым кардиганом, читала книгу.

Мира смотрела на них и видела то, о чём они только что говорили с Артёмом. Дорога к финалу. Вот она, перед ней. Два человека, которые прошли этот путь и теперь просто существуют рядом с той лёгкостью, которая даётся только годами. Им не нужно ничего объяснять и доказывать. Просто можно быть рядом и этого достаточно. Это было красиво. И это было возможно.

Женщина, не отрываясь от книги, что-то негромко сказала мужу. Тот кивнул, не отрываясь от этюдника. Мира отвела взгляд, но тепло от этой картинki осталось.

— Гена, — сказала Валентина Михайловна, намазывая масло на хлеб, — она ему кофе принесла. Утром. Я видела.

— Видел, — сказал Геннадий Петрович, не отрываясь от этюдника. Он как раз дорисовывал контур ёлки.

— Это что-то значит.

— Или просто кофе. Человеку было плохо, она поддержала.

— Гена. — Она посмотрела на него поверх очков с терпеливой улыбкой женщины, которая сорок лет объясняет мужу очевидные вещи. — Я сорок лет замужем. Это не просто кофе. А теперь смотри — она принесла книгу. Устроилась напротив. Они уже полдня вместе сидят, и ни один не ушёл.

— Метель, — пробормотал Геннадий Петрович, всё ещё сосредоточенный на рисунке. — Деваться некуда.

— Деваться некуда — это в номере сидеть. — Она отложила хлеб и накрыла его руку своей, заставив на секунду оторваться от этюдника. — А это другое.

Геннадий Петрович посмотрел на жену, потом на молодых людей за столиком у окна. Они сидели молча, но в их позах не было напряжения, только спокойствие. Он перевёл взгляд на жену, в глазах которой светилась тихая радость первооткрывателя, и улыбнулся.

— Сдаюсь, — сказал он. Закрыв этюдник, открыл свой неизменный блокнот в клетку и аккуратно вывел: «29 дек. Кофе. Полдня рядом. В пользу В.М.» Закрыв.

Валентина Михайловна удовлетворённо кивнула и вернулась к хлебу, чувствуя себя главным стратегом всех любовных линий этого отеля.

Вечер. Терраса

К шести часам метель немного сдала, не прекратилась, но стала тише, как будто устала от собственной настойчивости. Снег теперь просто падал, спокойно, без ветра. Горы так и не появились, только угадывались где-то за серым, тёмные тени на светлом фоне, как карандашный набросок, который ещё не прорисовали.

Они всё ещё сидели за столиком. Уже без книги и блокнота, просто с чаем. Мира смотрела в окно и думала о том, что прошёл целый день. Целый день — с утра до вечера она провела не одна. И не заметила. Не устала. Не почувствовала того знакомого внутреннего нетерпения, которое всегда появлялось, когда рядом был кто-то чужой слишком долго.

Это было странно. Это было странно настолько, что она предпочла пока не думать об этом.

— Пойду подышу, — сказала она, вставая.

— На улицу? Метель.

— Почти перестала.

Он ничего не сказал. Просто тоже встал.

И в этом его молчаливом движении, "тоже встал" для каждого из них крылось разное.

Мира, уже сделав шаг к выходу, краем сознания отметила, что он поднимается следом. Первая, привычная мысль пришла мгновенно, как рефлекс: "Зачем? Я же сказала — подышу. Одна". Она почти раздражилась на эту необходимость снова кого-то учитывать, объяснять, делить с кем-то даже короткий выход на холод. Но тут же, накрывая раздражение, пришла другая мысль — тихая, удивленная, но отчего-то тёплая. А если не пойдёт, то станет пусто. Я уже успела привыкнуть, что он здесь. И не хочу, чтобы это заканчивалось. Она поймала себя на этом противоречии: хотеть побыть одной и одновременно не хотеть, чтобы он уходил. Это было так ново и так сбивающе, что она не стала вникать. Просто пошла к выходу, чувствуя его за спиной и понимая: если бы он остался, ей бы чего-то не хватило.

Артём, поднимаясь, поймал себя на том, что не раздумывал ни секунды. Она сказала "пойду подышу" и он встал. Не потому что хотел контролировать или боялся оставить. И даже не потому, что хотел продолжить разговор. Просто за этот день он привык к её присутствию так

же, как дышат привыкают к чистому воздуху после духоты. И сейчас, когда она собралась уйти, пусть даже на террасу, он физически ощутил: ему нужно быть там же. Не рядом с ней даже, а просто в том же пространстве, где она. Глупо, — подумал он про себя, натягивая куртку. — Прилип как мальчишка. Но если она сейчас выйдет одна, я буду смотреть в окно и думать, замёрзла ли она, ушла ли уже, не случилось ли чего. А так — просто выйду и всё. Без повода. Без разговора. Просто рядом. Эта мысль "просто рядом" показалась ему самой правильной из всех, что были за сегодня.

На крытой террасе никого не было. Деревянные кресла стояли мокрые, снег лежал на перилах ровным слоем. Мира нашла относительно сухой угол у столба, прислонилась и вдруг поняла, что не знает, куда деть руки. Обычно в такие моменты она просто уходила. Сказала бы «пока» и поднялась к себе. Но сегодня не ушла. И теперь стояла здесь, в полутьме, и чувствовала, как внутри шевелится что-то непонятное — не раздражение, не усталость, а что-то другое, чему она пока не находила названия.

Руки сами нащупали в кармане пачку. Сигареты лежали там с Москвы, она курила редко, только когда не могла справиться с мыслями. Когда они начинали идти по кругу и не хотели останавливаться.

Сейчас был именно такой момент.

Она закурила, глубоко затянулась и выдохнула дым в серый воздух. Пальцы слегка подрагивали от холода или от того странного чувства, которое появилось сегодня днём и никак не хотело уходить.

Артём встал рядом с нормальным расстоянием, которое не требует объяснений. Посмотрел на серое небо, на снег внизу, на смутные очертания гор. Краем глаза видел, как она курит — не как завсегдатай, а как человек, который делает это редко и немного виновато, словно извиняясь перед собой за эту слабость.

Молчали. Слышно было только, как снег мягко ложится на деревянный настил террасы и где-то внизу, в деревне, зажигаются первые огни — жёлтые, размытые в сумерках.

— Ты куришь редко, — сказал он через какое-то время.

— Почему ты так решил?

— Держишь как человек, который не привык. И достала так, будто сама удивилась, что они есть.

Мира посмотрела на сигарету в руке. Потом на него. Он не смотрел на неё, смотрел на горы, но почему-то казалось, что видит он именно её.

— Наблюдательный.

— Работа такая.

— И поэтому ты здесь? — спросила она вдруг. — Потому что работа — наблюдать?

Вопрос повис в воздухе вместе с дымом. Артём повернулся к ней. Не сразу, медленно, как будто давая себе время подумать над ответом. Или над тем, стоит ли отвечать честно.

— Нет, — сказал он наконец. — Не поэтому.

Мира ждала. Он молчал. И в этом молчании было что-то важнее любых объяснений. Он мог бы сказать что-то лёгкое, перевести в шутку, но не стал. Просто стоял рядом и молчал, давая ей право спрашивать или не спрашивать дальше.

Она докурила. Смяла сигарету о перила. Смотрела на огни внизу и думала о том, что сегодня был хороший день. Просто хороший без причины, без повода, без того чтобы кто-то специально его таким делал. Они просто сидели рядом, и этого оказалось достаточно.

И ещё она думала о том, что сигарета помогла. Не успокоила, но дала паузу. Несколько затяжек, за которые можно было не говорить, не решать, не выбирать. Просто стоять и чувствовать холодный воздух на щеках.

Артём смотрел, как тает в темноте последний дым от её сигареты. И поймал себя на мысли, что ему нравится смотреть, как она курит неумело, сосредоточенно, словно решая в

этот момент что-то важное. Нравится стоять рядом и молчать. Нравится, что она не уходит. Он не знал, как это назвать, да и не хотел знать. Просто стоял и запоминал: снег, огни внизу, её профиль на фоне серого неба.

Она заметила это слишком поздно, уже после того, как снег внизу окончательно скрыл последние очертания деревни. Она не придумывала повода уйти. Обычно повод появлялся сам собой, почти автоматически: усталость, звонок, что-то срочное, что обнаруживалось именно в тот момент, когда присутствие рядом с кем-то становилось невыносимым. Сейчас — ничего. Только холодный воздух на щеках, запах сырого дерева и далёкий, почти беззвучный шум где-то внизу. Она стояла рядом с почти незнакомым человеком, и молчание между ними не давило, не требовало ничего — ни слов, ни улыбок, ни той непринужденной деловитости, которую обычно приходится изображать, чтобы не показаться странной. Просто тишина, в которой можно было просто быть. Это было непривычно. И почему-то не хотелось, чтобы это заканчивалось.

Артём смотрел на неё и не мог отделаться от ощущения, что этот момент из тех, что запоминаются навсегда. Не потому что происходит что-то особенное, а потому что в нём нет ничего лишнего. Только снег, огни внизу и она с этой своей сигаретой, которую держит неумело, почти детски, словно сама не до конца понимает, зачем взяла её в руки.

Он думал о том, что за сегодняшний день узнал её больше, чем за четыре месяца жизни напротив. Узнал, как она читает, уходя в книгу с головой, как будто мир вокруг перестаёт существовать. Узнал, как она пьёт кофе всегда до дна, даже холодный. Узнал, как она улыбается, когда ей действительно интересно редко, но так, что хочется смотреть и смотреть.

И теперь он стоял здесь, в двух шагах от неё, и понимал: ему нужно знать больше. Не из праздного любопытства. А потому что хочется. Вопрос созрел внутри, и он не пытался его остановить. Знал, что это риск. Знал, что она может захлопнуться, как раковина, в которую постучали слишком громко. Но молчать об этом было бы неправильно. Нечестно. А с ней хотелось быть честным.

Она уже собралась сказать «пойду» - это было привычное движение, она всегда уходила первой, всегда знала, когда хватит, — когда он спросил:

— У тебя кто-то есть?

Мира остановилась. Обернулась.

Он смотрел не на неё — на горы, которых не было видно. Спрашивал как будто между прочим, но в этом «между прочим» было что-то, что она расслышала отчётливо.

— Нет, — сказала она.

— Я ни разу не видел никого у твоей двери. — Пауза. — За четыре месяца.

— Ты считал?

— Просто живу напротив.

Мира помолчала. Снег падал тихо — вертикально, без спешки.

— Три года, — сказала она наконец.

— Что три года?

— Столько никого нет.

Слова прозвучали спокойно. Ровно. Она сама удивилась этому спокойствию — не наигранному, а настоящему, тому, которое приходит, когда что-то давно отболело и осталось лишь как факт. Три года она носила это в себе, никогда не произнося вслух вот так без контекста, без предисловий, почти незнакомому человеку на мокрой террасе в горах. Можно было ожидать, что в груди что-то сжалось. Но ничего не сжалось. Стало чуть тише, как будто слово, произнесенное вслух, наконец, заняло свое место.

Он повернулся к ней не резко, медленно. Смотрел внимательно, без жалости, без того дежурного «почему?», которое обычно следует за такими словами и которое она терпеть не могла. Просто смотрел и ждал говорить или нет, она сама решит.

И она сказала. Сама не поняла почему, может, потому что темно, может, потому что горы, может, потому что он не спрашивал.

— Был человек. Коллега. Не у меня, просто в той же компании. Он был женат, но это, видимо, считалось несущественным.

Она говорила и одновременно, как будто со стороны, наблюдала за собой замечала, что пальцы сами находят перила и сжимают холодное мокрое дерево. Не от волнения. Просто телу нужна была опора, пока слова выходили наружу. Горло не перехватывало. Голос не дрожал. Но где-то в районе ребер было странное ощущение, не боль, а что-то похожее на то, что бывает, когда долго держишь что-то тяжелое и наконец кладешь на стол. Не облегчение. Просто — другой вес.

. — Я отказала. Он решил, что я должна за это заплатить. Рассказал всем, что хотел. По-своему.

Артём молчал. Внутри него поднималась глухая, холодная волна, не ревность, не злость на того, кого он даже не знал. Что-то другое. Почти физическое желание оказаться там.

— Я ушла, — продолжила Мира. — Не потому что не смогла бы остаться. Просто поняла, что не хочу больше доказывать право на собственные границы. Каждый день, каждому. — Пауза. — Ушла на удалёнку. Стало лучше.

— А люди?

— А что люди?

— Разве без них лучше?

Мира посмотрела на него.

— Я думала, что да, — сказала она медленно. — Три года думала именно так.

Он помолчал. Потом спросил без нажима, почти осторожно, как спрашивают о том, в чем не уверены, что имеют право спрашивать:

— А ты пробовала? Искать кого-то. За эти три года.

Мира посмотрела на него. Вопрос был простой. Ответ тоже, в общем-то.

— Нет.

— Почему?

Она задумалась. Честно задумалась, не стала отвечать первое, что пришло в голову.

— Наверное, потому что не хотела снова объяснять, где проходят мои границы. — Пауза. — Это утомляет. Не сами люди. Вот это вот — где можно, где нельзя, почему нельзя, нет, я не злюсь, просто мне нужно побыть одной. — Она чуть качнула головой. — Проще не начинать.

— А пробовала? — спросил он осторожно. — Всё-таки пробовала?

Мира помолчала. Снег падал на перила, на её рукав, таял от тепла.

— Пробовала, — сказала она наконец. Голос стал тише, в нём появилась та особенная интонация, с которой говорят о том, что не любят вспоминать. — Не свидания. Просто... разговоры. Знакомства. В чатах рабочих, в кофейнях, у общих друзей. Нормальные люди, вроде бы. А потом начиналось.

— Что начиналось?

— Они начинали спрашивать. — Она повела плечом, словно от холода. — Почему молчишь, почему не идёшь с нами, почему не улыбаешься, тебе что-то не нравится? А я просто... слушала. Мне было интересно слушать. Но они думали, что если молчишь — значит, обижена. Или холодная. Или что-то с тобой не так. Им нужно было постоянно подтверждение — что я здесь, что мне хорошо, что я не собираюсь уйти. А я уставала это доказывать.

Она замолчала. Внизу, в деревне, зажглись новые огни — жёлтые, размытые в снежной дымке.

— И знаешь, что самое глупое? — продолжила она, не глядя на него. — Они были нормальные. Правда. Просто... не понимали. Я ловила себя на мысли, что сижу в кафе с человеком и мысленно считаю минуты до того момента, когда можно будет уйти. Не потому что он

плохой. А потому что я уже знала — через неделю начнётся то же самое. Ты какая-то странная, Мира. Ты всегда такая закрытая? Ты меня отталкиваешь или у тебя просто характер?

Она усмехнулась — коротко, без веселья.

— Я отталкивала. Сама. Раньше, чем они успевали спросить. Просто... переставала отвечать, находила поводы не встречаться, исчезала. Чтобы не доводить до того момента, когда снова придётся объяснять, что я не фригидная стерва и не обиженная на весь мир. Я просто... другая. Мне нужно по-другому. А объяснять это каждый раз — сил не было.

Артём молчал. Смотрел на неё — и видел не ту женщину, которая вчера ответила ему «я знаю» и уткнулась в книгу. Видел ту, что стояла за этим — уставшую от постоянного несоответствия чужим ожиданиям. От того, что её молчание принимали за холодность, а осторожность — за пренебрежение.

— И ты перестала, — сказал он тихо. Это был не вопрос.

— Перестала. — Она кивнула. — Решила, что проще одной. Честнее. Никого не обнадёживаешь, сама не разочаровываешься.

Пауза. Долгая, тягучая, как мёд на морозе.

— Поэтому вчера, — добавила она почти неслышно, — когда ты подошёл с планшетом... я уже готовила отказ. Занято, не сейчас, вообще-то я работаю. Привычка. Тело реагировало быстрее головы.

Артём почувствовал, как внутри что-то сжалось — и сразу отпустило. Он вспомнил этот момент: как она подняла взгляд, как в нём мелькнуло что-то настороженное, почти испуганное. И как потом, когда он просто сел напротив и ничего не спросил, это напряжение начало уходить.

— А я даже не заметил, — сказал он честно. — Помню, что ты странно посмотрела. Но я думал — просто человек не в духе.

— Я всегда так смотрю на новых людей, — сказала Мира. — Сначала. Пока не пойму, можно ли с ними... не защищаться.

Илья, тот самый коллега, оказался не просто случайным эпизодом. После того, как она ушла из агентства, он ещё долго напоминал о себе. Не прямо — звонками или сообщениями, на это у него ума хватило. Но общие знакомые передавали: «А Илья говорил, что ты...», «Ты знаешь, что о тебе говорят?», «Он сказал, что вы встречались, а ты потом просто исчезла». Слухи ползли, как тараканы, и Мира каждый раз наступала на них босыми ногами в самый неожиданный момент. В компании друзей, на дне рождения, в очереди в кофейне — везде находился кто-то, кто слышал «её версию» от Ильи и смотрел теперь с любопытством.

Она научилась не реагировать. Надела броню, которая со временем стала почти второй кожей. Но шрамы остались. И каждый раз, когда она видела в глазах нового знакомого интерес — пусть даже самый безобидный, — внутри срабатывала сирена.

Поэтому вчера, когда Артём подошёл к её столику, она уже через секунду после его «можно?» прикидывала, как будет уходить. Не потому, что он ей не понравился. А потому что он ей понравился. Слишком быстро. Слишком сильно для первого раза. И это было самым страшным — когда кто-то нравится, броня даёт трещину. А она не была уверена, что готова снова быть уязвимой.

— И сейчас? — спросил он.

Она посмотрела на него. На этого человека, который просто стоял рядом и не требовал ничего. Который не лез с расспросами, не пытался её «разгадать», не смотрел как на задачку. Просто был. И от этого «просто был» внутри неё разрасталось что-то, чему она боялась дать название.

— Сейчас... — она отвела взгляд, снова на огни внизу. — Сейчас я не знаю, сработала сирена или нет. Кажется, нет. Но я всё ещё здесь. С тобой. И не ищу повода уйти.

Он молчал. Просто смотрел на неё — с тем выражением, которое она уже начинала узнавать: внимательным, без спешки, без желания немедленно что-то исправить или сказать правильное слово. И в этом молчании было что-то такое, что делало слова ненужными.

Снег шёл тихо. Огни деревни светились в сумерках. Горы стояли где-то там, за серым невидимыми, но настоящие.

— А у тебя? — спросила она.

Он помолчал. Потом — не как исповедь, а просто как факт, который лежит на поверхности и не требует объяснений:

— У меня была девушка. Давно. Четыре года назад все закончилось.

Мира не спросила почему. Он, кажется, и не ждал ответа.

— Потом — было. Пару раз. Ни о чем. — Он пожал плечами. — Это не считается.

Мира посмотрела на него. Что-то внутри отреагировало быстро и привычно — та самая усталая мысль, которая приходила сама собой, без спроса: ну конечно. Красивый, умеет говорить, умеет молчать рядом — такие не сидят без разговора ни о чем. Такие не умеют по-другому. Это не упрек — просто его природа, она давно это знала.

Но потом он сказал:

— Я не особо умею вот так. Без смысла.

И мысль — привычная, быстрая — слегка пошатнулась. Не исчезла. Просто стала менее уверенной.

— Ты злился?

— Нет. — Он говорил спокойно, без усилия. — Я понял, что сам дал ей повод. Не изменой — одиночеством. Я просто не умел быть рядом. Думал, что работа и есть способ быть рядом.

— А теперь?

— Теперь думаю, что нет. — Он посмотрел на горы. — Теперь думаю, что быть рядом — это совсем другое.

Мира стояла и слушала, как он это говорит — без пафоса, без желания произвести впечатление. Просто говорил правду, как говорят её люди, которые давно с ней разобрались и больше не боятся произносить вслух.

Снег шёл тихо. Огни деревни светились в сумерках. Горы стояли где-то там, за серым невидимыми, но настоящие.

— Дорогу откроют, — сказал он наконец. — Завтра приедут люди. Всё изменится.

— Знаю.

— Жалко немного, — сказал он тихо. — Сегодняшнего.

Мира посмотрела на него. Почувствовала что-то тёплое — не снаружи, снаружи было холодно — а вот там, внутри, где последние три года было только ровно и тихо.

— Да, — сказала она.

Просто «да». Без уточнений.

Она ушла первой — негромко, просто кивнула и вернулась в тепло. Артём ещё немного постоял. Смотрел на горы, которых не было видно, но которые были. Это он знал точно. Потом вернулся к себе. Сел за ноутбук. Смотрел в экран.

Думал не о смете.

Ночь

В номере было темно и тихо. Горы спали.

Они угадывались тяжёлыми тёмными силуэтами на фоне чуть более светлого неба неподвижные, равнодушные, древние. Снег на козырьке террасы белел в темноте. Внизу, в деревне, гасли последние огни.

Мира стояла у окна и думала о том, что сегодня прошло иначе, чем она планировала. Не плохо, просто иначе. Она провела весь день с человеком, которого почти не знала, и это

не потребовало от неё никаких усилий. Ни улыбок для приличия. Ни разговоров ни о чём. Ни того изматывающего ощущения, что надо быть немного другой чуть общительнее, чуть мягче, чуть удобнее для окружающих.

Просто сидела рядом. И этого было достаточно.

Она отошла от окна, включила торшер у кровати — мягкий, желтоватый свет упал на белое одеяло, на подушки. Детектив лежал на тумбочке, она взяла его, полистала, пытаясь найти место, где остановилась. Не нашла. Отложила.

Легла на кровать, не раздеваясь. Смотрела в потолок.

Он спросил про парня. Просто спросил без заигрывания, без той интонации, за которой обычно что-то стоит. Как будто ему было важно знать и только. И она ответила. Рассказала про Илью, про агентство, про то, как ушла. Вещи, которые она не рассказывала никому, не потому что больно, а потому что незачем. Эти три года она умела хранить при себе всё, что не требовало выхода.

А сегодня вышло. Само. Мира перевернулась на бок, подложила руку под щеку. Одна, значит всё предсказуемо. Она думала, что научилась этому навсегда.

Но сегодня, когда она стояла на террасе и он молчал рядом, не пытаясь заполнить паузу, не торопя её, просто стоял и смотрел на горы, внутри что-то сдвинулось. Не громко. Тихо, почти незаметно, как сдвигается что-то, что лежало неподвижно очень долго.

Мира закрыла глаза.

Вспомнила последний раз, когда ей было хорошо с кем-то. По-настоящему хорошо не потому что надо, не потому что вежливость. Это было давно, до Ильи, до агентства, до всего. Ей было двадцать три, его звали Антон, они познакомились на вечеринке у общих друзей. Он был из тех людей, рядом с которыми легко, не потому что он старался, а потому что умел просто быть. Не заполнял всё собой, не требовал внимания, не ждал, что она будет другой. Они встречались восемь месяцев, и это было, наверное, единственное время в её взрослой жизни, когда она не чувствовала себя немного чужой в отношениях.

Потом он уехал. Не из-за неё, просто уехал, работа, другой город, другая жизнь. Они расстались без скандала, без слёз просто закончилось, и оба это знали. Она думала, что такое ещё будет. Что это норма, что так бывает, просто надо подождать.

Потом было агентство. Потом Илья. Потом три года тишины. И вот терраса. Снег. Человек, который стоит рядом и не требует от неё ничего. Мира открыла глаза. За окном ветер чуть усилился, просто горный, ночной. Снежинки иногда бились в стекло редко, почти беззвучно.

Он сказал — быть рядом это совсем другое.

Она повторила это про себя. Подумала о том, как он это произнёс без пафоса, как что-то давно понятое и принятое. Как говорят люди, которые не боятся своих выводов. Ей было двадцать девять лет. Не двадцать три. Она умела отличать лёгкость от легкомыслия, внимательность от навязчивости, молчание, от равнодушия. И сегодняшний день был именно таким: лёгким, внимательным, молчаливым в хорошем смысле. Таким, после которого не устаёшь. Это пугало. Не само по себе, а тем, что хочется, чтобы завтра было так же.

Мира натянула одеяло до подбородка. Оно было тяжёлым, приятно тяжёлым, давящим на тело ровно настолько, чтобы чувствовать себя укрытой.

Она лежала и смотрела в темноту.

Думала о том, что он стоял рядом как надо. Она заметила это еще на террасе и не стала ничего себе объяснять просто отметила, как отмечают что-то очевидное. Не слишком близко, но и не демонстративно далеко. Просто рядом, с той естественной уверенностью в собственном теле, которая не требует ничего доказывать. Широкие плечи, руки в карманах, взгляд спокойный, но не пустой. Она чувствовала этот взгляд, даже когда не смотрела в его сторону.

Мира поправила одеяло. Трёх лет вполне достаточно, чтобы разучиться об этом думать. Или убедить себя, что разучилась. Но тело не спрашивало разрешения оно просто вспомнило,

каково это, когда мужчина стоит близко и от него пахнет холодом и чем-то чуть более теплым. Как бывает, когда голос низкий и при этом негромкий не для зала, а почти для одного человека. Для нее.

Она закрыла глаза.

Не нужно было додумывать. Она и не додумывала просто позволила себе на секунду не останавливать то, что происходило само собой. Тепло внизу живота, почти забытое, почти неловкое из-за своей реальности. Потом она выдохнула. Ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.